

вом не упоминает подлинно научные исследования А. Хойбека (1959—1962 гг.) и Л. Згусты (1964 г.), которые с бесспорностью доказали древнеанатолийский характер карийских имен в греческой передаче.

Чрезвычайно неприятное впечатление в работе Ю. В. Откупщикова создает систематическое замалчивание достижений его предшественника В. В. Шеворошкина; имя его упоминается только там, где автор хочет показать «несостоятельность» его положений. То обстоятельство, что Ю. В. Откупщиков базируется на установленном В. В. Шеворошкиным факте алфавитного характера карийской письменности, перенимает большую часть его чтений отдельных знаков, использует разработанную им методику разделения гласных от согласных и установленное им понятие локальных алфавитов, наконец то, что о самом существовании некоторых работ по карийскому языку и письменности Ю. В. Откупщиков явно узнал из книги В. В. Шеворошкина ²⁸, — все это остается читателю Ю. В. Откупщикова неизвестным.

Таким образом, работа Ю. В. Откупщикова по дешифровке карийских писем Африки является шагом назад по сравнению с книгой В. В. Шеворошкина, за которой она последовала с излишней поспешностью, и не может считаться отвечающей ни современным научным требованиям, предъявляемым к работам дешифровщиков, ни этическим требованиям, предъявляемым вообще к труду ученого.

На материале двух работ, посвященных карийскому письму, интересующийся теоретическими проблемами дешифровки может судить о том, как нужно и как не нужно работать с неизвестными алфавитными письменностями.

И. М. Дьяконов

²⁸ Это утверждение доказывается прим. 4 на стр. 3 работы Ю. В. Откупщикова (речь идет об отождествлении знака Σ как h , — у самого Ю. В. Откупщикова (k) h , которое он приписывает А. Менцу). Примечание гласит: «Позднее А. Бернан обнаружил данный знак в греческом слове на месте χ , подтвердив тем самым правильность идентификации А. Менца». Однако работа А. Бернана (рукописная копия граффити) осталась неизданной; она стала известна В. В. Шеворошкину в факсимильном воспроизведении, присланном ему из Каира Центром документации и изучения истории, искусства и цивилизации древнего Египта (Шеворошкин, ук. соч., стр. 17); о существовании этой работы Ю. В. Откупщиков мог узнать, следовательно, только из книги В. В. Шеворошкина (стр. 17 и стр. 78 сл.), на которую, по своему обыкновению, он не сделал ссылки; вывод же о значении буквы Σ (χ) сделан не А. Бернаном, который только копировал, но не исследовал надписи, а В. В. Шеворошкиным на основании копий А. Бернана. Еще одно доказательство, что А. Бернан Ю. В. Откупщиков не читал — если еще требуются доказательства! Что касается А. Менца, то его «дешифровка» носила фантастический характер, и чтение им буквы Σ как h (но не χ , kh), о котором также можно прочесть в книге В. В. Шеворошкина (стр. 52), объясняется тем, что он совершенно случайно «попал в точку», — однако без каких-либо научно приемлемых доказательств. Так Ю. В. Откупщиковым пишется история науки!

В. Д. БЛАВАТСКИЙ. *Пантикапей. Очерки истории столицы Боспора*, М., Изд-во «Наука», 1964, 232 стр., тираж 1800 экз., цена 1 руб.

[Рецензируемый труд принадлежит крупнейшему исследователю античности, в течение многих лет производившему раскопки в Северном Причерноморье, в том числе и в Пантикапее. Автор пришел к этой книге не только как археолог, подводящий итоги своим полевым исследованиям, но и как историк, обобщивший весь имеющийся материал источников. Книге о Пантикапее предшествовал ряд публикаций и статей, среди которых такие значительные, как «Архаический Бос-

пор», «Строительное дело Пантикапее» и др.¹ Монография В. Д. Блаватского представляет большую ценность для историков, археологов, искусствоведов, а доступная форма изложения, без сомнения, сделает ее популярной и в широких кругах читателей, интересующихся ан-

¹ Список этих работ см. в сборнике, изданном к 40-летию научной деятельности В. Д. Блаватского, — «Культура античного мира», М., 1966, стр. 13 слл.

тичной историей и археологией. Все это определяет значимость рассматриваемого исследования, безусловно, являющегося крупным вкладом в науку о Северном Причерноморье.

В отличие от других городов Северного Причерноморья Пантикапей — «самый большой по размерам и наиболее важный как по своему историческому, так и культурному значению» (стр. 6) — не был темой специальной монографии. История столицы Боспора заслуживает особого внимания тем более, что уже накоплен значительный материал, прежде всего археологический, который нуждается не только в публикации, но и в освоении и обобщении. Не стремясь «дать свод всех доступных нам материалов по археологии Пантикапея», автор следующим образом формулирует свою задачу: «Мы делаем попытку, опираясь на письменные и вещественные источники, наметить основные этапы истории боспорской столицы, выяснить характерные особенности ее культуры, коснувшись также тех взаимодействий, которые происходили между Пантикапеем и другими городами, а также хорой Боспорского государства» (стр. 8).

Нет сомнения, что В. Д. Блаватский с этой задачей справился очень успешно, хотя был поставлен в более трудные условия, чем изучающие историю Ольвии, Херсонеса или городов, входивших в состав Боспорского государства — Феодосии, Фанагории, Танаиса и др. Ведь история Пантикапея, как и любой столицы, оказывала гораздо большее влияние на судьбы государства в целом, нежели история других городов, и в свою очередь процессы, характерные для страны, находили свое наиболее яркое выражение в судьбе столицы. Как совершенно справедливо пишет автор, «Пантикапей со значительно большей полнотой и яркостью, чем какой-либо иной город, отражал историю этого государства, те изменения, которые происходили в его экономике, социально-политическом строе, этническом составе населения, его культуре, быте и искусстве» (стр. 7). Из массы исторического материала необходимо было выбрать то, что относится непосредственно к Пантикапею. С другой стороны, перед исследователем постоянно вставала потребность в той или иной степени коснуться и самых общих проблем истории Боспора. В работе В. Д. Блаватского изучаются и такие широкие проблемы, решить которые на материале только Пантикапея невозможно, но вместе с тем Пантикапей дает материал для этого. Поэтому книга В. Д. Блаватского о Пантикапее проливает новый свет и на историю Боспорского государства в целом.

Состояние источников по истории Пантикапея — скудость литературных свидетельств, малое количество надписей

при значительном преобладании археологических материалов и памятников материальной культуры — определило характер рецензируемой работы. Она является в большей мере историей материальной и духовной культуры, быта пантикапейцев, хотя ни одна из проблем политической и социально-экономической истории не обойдена автором.

Монография В. Д. Блаватского состоит из введения и семи глав.

В I главе — «Киммерийский период, *panti-kara* и эмпорий на нем» — речь идет о дописанном периоде истории Пантикапея.

Обращаясь к наиболее отдаленному прошлому Северного Причерноморья, В. Д. Блаватский отмечает, что период этот получил отражение только в греческих мифах, в которых «историческая реальность облекается в неопределенную, туманную форму, в силу чего выснить ее — дело весьма нелегкое и всегда возможны самые противоречивые предположения» (стр. 9). Анализ этих скудных и неясных источников дает автору возможность высказать предположение, что уже в микенское время корабли эгейских мореходов достигали восточных берегов Понта. Рассматривая далее один из кардинальных вопросов истории догреческого Боспора — киммерийский вопрос, В. Д. Блаватский решительно выступает против попытки опаривать наличие культурных очагов на Боспоре в киммерийское время. Опираясь на результаты раскопок конца 40—50-х гг., он приходит к важному выводу о существовании киммерийского поселения на Митридатовой горе в последних столетиях II—первых столетиях I тысячелетия до н. э. Новые археологические материалы легли и в основу решения вопроса о времени возникновения эмпория на месте будущего Пантикапея. В. Д. Блаватский показывает, что эмпорий существовал уже в последних десятилетиях VII в. до н. э. Интересные соображения высказаны в книге и о наименовании Пантикапея. Следуя за Фасмером и В. И. Абаевым в понимании названия *Pantikapes* как пранского *panti-kara* — «рыбный путь», В. Д. Блаватский предлагает его, однако, не к реке Мелек-Чесме, а к Керченскому проливу, который и теперь является большим «рыбным путем» (стр. 18 сл.). Отметим в боспорской топонимике также наличие названий, вероятно, относящихся к более раннему, чем пранский, пласту, он склонен связывать их с местным фракоязычным населением, происхождение которого уходит в киммерийские времена. Что касается времени, когда эмпорий был сменен возникшим на его месте полисом, то, по мнению автора, это должно было иметь место в первой половине VI в. до н. э., скорее всего, в конце первой или в начале второй четверти его.

Глава II посвящена Пантикапею VI — начала V вв. до н. э. Здесь ставится важная, но мало исследованная еще проблема формирования полиса в условиях тесных взаимодействий с местной средой, что было характерно не только для государств побережья Черного моря, но и для всех колоний, выведившихся греками за пределы собственной территории. В. Д. Блаватский уделяет большое внимание исследованию взаимоотношений города с местными племенами.

Очень убедительным представляется высказанное на основании изучения некрополя Пантикапея предположение о том, что «в древнейшие времена существования пантикапейского полиса военная служба являлась обязанностью всего цензового гражданства» (стр. 30).

Всесторонне рассматривается в этой главе культурная и хозяйственная жизнь города — земледелие, скотоводство, ремесло, городское строительство и т. д. Интересные наблюдения над характером монетной чеканки, весовой системой и мерными сосудами² позволяют автору говорить о наличии в это время в Пантикапее несколько замкнутого, внутрополисного рынка по преимуществу розничной торговли, обслуживающей мелких потребителей, которые в то же время были мелкими производителями — пантикапейскими хейромахами.

Значительное внимание во II главе уделяется также торговым связям Пантикапея с метрополией. Убедительным кажется вывод В. Д. Блаватского о том, что малочисленность находок краснофигурной керамики в Пантикапее не являлась результатом торговой политики Афин, а была вызвана условиями местного рынка. Вообще в работе постоянно подчеркивается важная роль местной среды в жизни города. Автор специально останавливается на значении местного рынка и вкусов заказчиков, нередко обуславливавших самый характер ввозимых предметов и особенно пантикапейского ремесла.

Подводя итоги, В. Д. Блаватский приходит к выводу, что Пантикапей архаического времени — «небольшой город с малочисленным, по большей части небогатым, населением» — «отличался сравнительно слабо развитой имущественной дифференциацией»; «свободный труд, нужно думать, играл довольно большую роль» (стр. 36).

Среди причин, приведших боспорские города к объединению вокруг Пантикапея, В. Д. Блаватский выдвигает две важнейшие — военную опасность со

стороны местных племен и вместе с тем развивающиеся экономические связи с ними. В связи с установлением власти Археанактидов на Боспоре рассматриваются три проблемы — происхождение Археанактидов, характер их власти и размеры их владений. В. Д. Блаватский склоняется к гермонасскому происхождению Археанактидов, отстаивая свою точку зрения с большой научной осторожностью и тактом. Изучая характер власти Археанактидов, он останавливается на существующей по этому вопросу в нашей литературе полемике (В. В. Латышев, В. Ф. Гайдукевич, Д. П. Каллистов, Т. В. Блаватская). Нам представляется очень удачным проводимое в книге сопоставление олигархической власти Археанактидов с правлением Бакхиадов в Коринфе. Вопрос о владениях Археанактидов разбирается очень подробно и тщательно, и решение его не вызывает никаких сомнений. Оригинально мнение В. Д. Блаватского о том, был ли столицей государства Археанактидов Пантикапей. В отличие от других исследователей, которые не сомневались в этом, он полагает, что «доступные в настоящее время источники в лучшем случае допускают это предположение, но никак не позволяют считать его доказанным» (стр. 49).

Глава III — «Пантикапей при ранних Спартокидах» — начинается с крупнейшего события, приведшего к значительным переменам в жизни государства, — с установления династии Спартокидов. Кратко остановившись на высказывавшихся в литературе гипотезах о происхождении Спартокидов, В. Д. Блаватский склоняется к тому, что они «вели свое происхождение от местной племенной знати Азиатского Боспора» (стр. 55 сл.). Отмечая далее активную внешнюю политику первых Спартокидов и расширение границ Боспора, автор приходит к справедливому выводу о том, что «результатом этого расширения было значительное изменение характера государства; прежнее объединение античных полисов превратилось теперь в государственное образование, в которое входили как античные города, так и местные племена» (стр. 58).

Большое значение имеют соображения В. Д. Блаватского о характере экономики Боспора и городов Северного Причерноморья в IV—III вв. до н. э. Автор подчеркивает отличие местных условий жизни от условий, существовавших в полисах метрополии. Это положение нам представляется очень важным тем более, что в советской литературе была замечена тенденция упрощенно-социологического толкования кризиса, например в Ольвии в III в. до н. э., в отрыве от конкретно-исторических условий. Политические и экономические затруднения в жизни города в III в. до н. э. рассматри-

² Подробнее этот вопрос изложен в статье В. Д. Блаватского «О пантикапейской весовой системе», СА, XXIII, 1955, стр. 201 слл.

вались как черты общего кризиса полисной системы³.

В этой связи В. Д. Блаватский возвращается к высказанной им ранее мысли о протоэллинизме⁴. Он считает, что в первой и второй трети IV в. до н. э., когда греческие полисы метрополии переживали кризис, для развития государств, расположенных на окраинах античного мира — в Сицилии, Кари, Македонии, на Боспоре — обстановка была особенно благоприятной. «Сложившиеся там социально-экономические условия привели к возникновению государственных образований, в некоторых отношениях приближающихся к эллинистическим монархиям, но не идентичных им» (стр. 59). При наличии некоторых особенностей у различных протоэллинистических государств общей чертой их автор считает близкое государственное устройство, отличное от ранее известных объединений эллинских полисов. «Новая государственная форма характеризуется наличием в ней греческих городов и варварской хоры под властью единодержавных правителей» (стр. 59). Это слияние окраинных эллинских полисов с местными обществами определило, по мнению В. Д. Блаватского, особый путь их исторического развития. Протоэллинистический период в истории названных окраинных стран был временем их большого подъема. Но этот расцвет был локальным, а не общегреческим.

Самая идея сопоставления исторических процессов, протекавших в эллинской среде, с процессами, происходившими на ее далекой периферии, представляется весьма плодотворной. Однако, как нам кажется, ошибочно было бы преуменьшать существенные отличия процессов, протекавших на Боспоре, от того взаимодействия между греко-македонянами и населением бывших древневосточных деспотий, которое имело место в Средиземноморье. Отличия эти были обусловлены прежде всего той средой, с которой вступали во взаимодействие греки, — древневосточные государства с веками существовавшим своеобразным политическим строем, «азиатской» формой собственности на землю, специфическими социальными отношениями способами эксплуатации зависимого населения. В. Д. Блаватский сам справедливо указывает, что протоэллинистические государства отличались от эллинистических монархий тем, что «они возникали часто на территориях, не достигших более высокого уровня развития

стран древневосточных цивилизаций» (стр. 59).

Из других проблем, исследуемых в этой главе, особенно заслуживают упоминания проблемы роста населения Пантикапея и его этнического состава. Первая из них рассматривается в основном по данным некрополя Пантикапея. Увеличение числа погребений позволяет автору говорить о возрастании численности жителей столицы. Правда, подобная закономерность представляется убедительной для больших промежутков времени, но может привести к ошибке, если ее применять к коротким отрезкам времени, так как увеличение количества захоронений может быть вызвано и иными причинами — войнами, эпидемиями и т. д. Поэтому В. Д. Блаватский подкрепляет материал некрополя данными о росте городского строительства. Перемещение населения, приток в Пантикапей иноземцев — эллинов и выходцев из среды местных племен — тоже свидетельствуют о его процветании в это время. Выводы о разнородности населения Пантикапея, образовании новой синдо-меотской знати удачно аргументированы автором и не вызывают никаких возражений.

Отметив, что рост Пантикапея вызывался новыми экономическими и политическими функциями боспорской столицы, В. Д. Блаватский рассматривает далее отдельные отрасли ее хозяйства, прежде всего керамическое производство, привлекая при этом большой материал. Неоспоримы также достоинства чрезвычайно интересного очерка культуры Пантикапея. Особой глубиной, на наш взгляд, отличается анализ архитектуры погребальных сооружений.

Глава IV охватывает III—II вв. до н. э. В начале ее В. Д. Блаватский возвращается к вопросу о характере власти Спартокидов. Ссылаясь на материал предыдущей главы, он отмечает, что, сосредоточив всю власть в своих руках, Спартокиды стремились сохранить в течение IV в. некоторую видимость народоправства (стр. 94). Далее подробно разбирается сообщение Диодора о междоусобной борьбе сыновей Перисада и правлении Евмела. Справедливо подчеркивая социальный момент в борьбе братьев за власть, В. Д. Блаватский старается выяснить социальные силы, на которые опирались Евмел и его противники.

Автор особенно подчеркивает влияние, которое оказали на всю жизнь Боспора грандиозные перемены в Восточном Средиземноморье, вызванные новой, эллинистической эпохой, и, с другой стороны, весьма значительные изменения, произошедшие в конце IV в. в северопричерноморских степях, — распад державы Атея, смена скифов сарматами. На этом широком фоне рассматривается экономика Боспора. Выступая против мнения С. А. Жебелева, который считал, что на Бос-

³ Н. В. Шафранская, К вопросу о кризисе Ольвии в III в. до н. э., ВДИ, 1951, № 3, стр. 9—20.

⁴ W. D. Blawatsky, Il periodo del protoellenismo sul Bosporo, «Atti del Settimo Congresso Internazionale di archeologia classica», III, Roma, 1961, стр. 51 слл.

поре после пышного расцвета IV в. началось медленное и постепенное увядание, В. Д. Блаватский полагает, что картина экономического развития Боспора в III—II вв. была более сложной. Отдельные отрасли производства «то развивались, то держались на прежнем уровне, то хирели. Так, в сельском хозяйстве, видимо, уменьшилась роль хлебопашества, напротив, стало развиваться виноградарство, а также виноделие, и особенно скотоводство» (стр. 100). Автор отмечает, что эта точка зрения, выдвигавшаяся им уже неоднократно, встречается согласно отнюдь не у всех. Свои положения он подкрепляет новыми материалами, полученными в результате последних археологических работ.

Большое внимание в книге уделяется ставшему уже традиционным в нашей литературе вопросу о торговой конкуренции Боспора и Египта. Приведя мнение поставившего этот вопрос М. И. Ростовцева, который отрицал конкуренцию, и противоположное суждение С. А. Жебелева, В. Д. Блаватский пересматривает этот вопрос заново. Считая, что общее потребление хлеба в Греции не могло резко возрасти, он вместе с тем подчеркивает факт расширения производства зерна в эллинистическом Египте. «Появление огромного количества египетского хлеба, выброшенного Птолемеями на средиземноморский рынок, не могло не изменить общей ситуации, тем более, что резкое увеличение производства пшеницы в царстве Лагидов произошло в сравнительно короткий срок» (стр. 102). Однако вывоз хлеба с Понта в Элладу прекратился только к середине II в. до н. э. Боспор, как считает В. Д. Блаватский, уступил Египту аттический рынок сбыта хлеба не без борьбы. Указывая, что в источниках неоднократно засвидетельствованы случаи недостатка хлеба в греческих городах, автор полагает, что они были вызваны локальными условиями, обычно местными неурожаями, и их вовсе не следует рассматривать как свидетельства какой-то постоянной нехватки хлеба во всем Восточном Средиземноморье в эллинистический период. К сожалению, исследуя вопрос о хлебной торговле, В. Д. Блаватский опускает статьи, появившиеся в нашей литературе в последнее время, где выдвигается и другая точка зрения⁵.

⁵ Н. Б. Бреговская, Экономические и политические связи североопитских городов с государствами Балканской и Малоазиатской Греции в эпоху эллинизма, «Уч. зап. Кишинев. гос. ун-та», т. 35, 1958, стр. 106—108; М. К. Трофимова, Из истории эллинистической экономики (К вопросу о торговой конкуренции Боспора и Египта в III в. до н. э.), ВДИ, 1961, № 2, стр. 46—68; Н. Б. Бреговская, Северное При-

Свой вывод относительно хлебной торговли Боспора автор основывает на исследовании его экономики в целом. Экономика Боспора, сохраняя определенное общее равновесие, изыскивала средства пополнить убытки, нанесенные ей сокращением хлебной торговли. Основной отраслью хозяйства, возмещавшей эти потери, В. Д. Блаватский считает скотоводство, развитие которого приводит к увеличению вывоза скота. Следует подчеркнуть, что положение об усилении роли скотоводства в противоположность хлебопашеству выдвигается только как предположение, о чем автор считает необходимым напомнить еще раз (стр. 117). Проводя известную аналогию с Южной Италией периода Поздней республики, возможную причину этого развития скотоводства на Боспоре именно в III—II вв. В. Д. Блаватский видит в перемещении земельной собственности.

Широтой отличается и постановка другого, тоже имеющего довольно значительную литературу, вопроса о денежном кризисе на Боспоре в III в. до н. э. Указывая на одновременное прекращение золотого и серебряного чекана и некоторый спад в развитии торевтики, В. Д. Блаватский также ищет причины этого в больших изменениях в международной экономической жизни, приведших, в частности, к резкому сокращению притока на Боспор драгоценных металлов.

Против общего вывода автора о том, что в III в. до н. э. Пантикапей «остается самым крупным и наиболее богатым городом Северного Причерноморья», являвшимся «значительным центром экономической жизни, причем не только ремесло, но и торговля, видимо, не испытала, во всяком случае, заметного ущерба» (стр. 107), возражать не приходится. В. Д. Блаватский прежде всего устанавливает заметное расширение территории столицы, вызванное увеличением ее населения «не столько вследствие естественного прироста, сколько в результате переселения туда обитателей других мест» (стр. 108). Он связывает это с исчезновением части земледельческих поселений во внутренних районах Керченского полуострова, вызванным «коренными изменениями экономических условий жизни Европейского Боспора» (стр. 117). Вместе с тем в книге приводятся любопытные данные некрополя Пантикапея — число надгробий в III в. до н. э. по сравнению с IV в. до н. э. сократилось в десять раз. Д. Блаватский, как он сам пишет, затрудняется дать объяснение этому резкому падению. Приводя несколько возможных причин, он обращает особое внимание на этнический состав погребен-

черноморье и внешняя политика эллинистических государств, «Уч. зап. Кишинев. гос. ун-та», т. 48, 1962, стр. 151 сл.

ных, среди которых резко падает число коренных пантикапейцев. Автор отмечает далее большое строительство в Пантикапее и рост всего городского хозяйства. Возведение общественных зданий, с нашей точки зрения, действительно должно свидетельствовать о подъеме городского хозяйства, в то время как увеличение строительства богатых домов скорее служит доказательством значительной социальной дифференциации, чем благосостояния города вообще.

Рассматривая экономику Пантикапея, В. Д. Блаватский приходит к выводу, что город, «видимо, так же как и в предшествующее время, оставался ремесленно-торговым, но не промышленным и не земледельческим центром» (стр. 118).

Скрупулезно собрав разрозненный материал источников и мастерски проанализировав его, автор сумел нарисовать яркую картину материальной и духовной жизни столицы Боспора в III—II вв. до н. э.

Глава V называется «Пантикапей и Боспор в I в. до н. э. и в первых веках нашей эры». Уже самим заголовком В. Д. Блаватский, видимо, хотел подчеркнуть особенно тесную связь истории Пантикапея с судьбами всего государства в это время. Именно поэтому, очевидно, первая часть главы отведена собственно истории Боспора. Два новых момента в жизни Боспорского государства с конца II в. до н. э. — переломного периода в его истории — отмечаются в книге: «Иные отношения с большими государственными образованиями Средиземноморья: сначала Понтийским царством, а потом Римской империей» и заметное изменение роли местных элементов в социально-экономической и культурной жизни Боспора. Большой экономический и политический подъем IV в. был в далеком прошлом. «Миновали также менее значительные периоды некоторого благоденствия, которое временами наступало на Боспоре в III — первой половине II в. до н. э.» (стр. 126).

На фоне этой общей картины положения государства рассматриваются события конца II в. — восстание Савмака, деятельность Митридата на Боспоре, Фанагорийское восстание и т. д. Не останавливаясь подробнее на этих страницах рецензируемой работы, мы считаем заслуживающим специального упоминания два вопроса. Во-первых, автор выдвигает новый взгляд на тех варваров, от которых Боспор вынужден был в последние десятилетия II в. откупаться данью. В. Д. Блаватский видит в них не скифов, как принято обычно и как он сам, по его собственным словам, считал «несколько лет тому назад», а сарматов (стр. 127).

Второй, гораздо более значительный вопрос — это вопрос о восстании Савмака. Не изучая его специально, автор стоит на точке зрения С. А. Жебелева и,

к сожалению, совершенно опускает полемику, развернувшуюся в нашей литературе в последние 15 лет вокруг самого факта восстания рабов и чеканки монет от имени Савмака⁶. В частности, нумизматический материал, на наш взгляд, убеждает в том, что монеты чеканились от имени не Савмака, а Савлака.

Яркий очерк посвящен времени правления Асандра, его политике, направленной на устройство внутренних дел Боспора, опустошенного предыдущими войнами, на укрепление границ. В частности, особенно показательно изображение автора о строительстве вала на Перекопском перешейке (длиной около 65 км), защищавшего аграрные районы государства от нападения кочевников. Активная внутренняя деятельность Асандра, как справедливо полагает В. Д. Блаватский, была возможна «лишь в условиях сколько-нибудь упорядоченной экономики Боспора, сильно подорванной в предшествовавшее время» (стр. 131). Эта мысль идет в русле основной идеи В. Д. Блаватского об особенностях развития боспорской экономики. При Асandre, как пишет автор, вновь намечается подъем хозяйства Боспора, о чем свидетельствует сравнительно обильный выпуск золотой монеты.

Центральное место в V главе занимает исследование тех глубоких изменений, внутреннего перерождения всего общества, которые связаны с двумя большими процессами — сарматизацией и рустификацией. Излагая свое понимание процесса сарматизации, В. Д. Блаватский обращается уже непосредственно к Пантикапее. Особенно большое внимание он уделяет здесь этническому составу населения столицы. Тщательно изучив все возможные источники, прежде всего данные ономастики, В. Д. Блаватский приходит к выводу о большом притоке сюда местного населения. Эллинизируясь, многочисленные выходцы из североприморских степей, особенно сарматы, не полностью утрачивают свои обычаи; более того, в некоторых отношениях они

⁶ В. В. Струве, Восстание Савмака, ВДИ, 1950, № 3, стр. 23—40; К. В. Голенко, О монетах, приписываемых Савмаку, ВДИ, 1951, № 4, стр. 199—203; Д. Г. Капанадзе, Несколько добавочных замечаний по поводу статьи К. В. Голенко «О монетах, приписываемых Савмаку», там же, стр. 203 сл.; К. В. Голенко, Новый тип монет царя Сав(ла)ка, «Сообщ. АН ГрузССР», XXV, 1960, № 1, стр. 123—128; В. Ф. Гайдукевич, Еще о восстании Савмака, ВДИ, 1962, № 1, стр. 3—23; Э. Л. Казакевич, К полемике о восстании Савмака, ВДИ, 1963, № 1, стр. 57—70; К. В. Голенко, Еще о монетах, приписываемых Савмаку, ВДИ, 1963, № 3, стр. 69—81.

оказывают воздействие на население Боспора, в том числе и Пантикапея. Автор всесторонне показывает это воздействие — оно сказывается в культуре, военном деле⁷, быту. Интересна интерпретация росписи склепа Анфестерия как изображения сцены из жизни горожан. В этом же аспекте рассматривается вопрос о происхождении династии Асандра—Аспурга. В. Д. Блаватский настаивает на сарматском происхождении этой династии, что убедительно подтверждает приводимым материалом источников; особое внимание привлекает его анализ тамгообразных знаков на различных пантикапейских и других боспорских памятниках.

Столь же большое внимание автор уделяет другому новому явлению в жизни столицы — рустификации, которая «шла рука об руку с...сарматизацией» (стр. 135). В книге показывается, что Пантикапей не переставал быть центром ремесла, но с I в. до н. э. часть населения столицы оказалась связанной с виноградарством; на территории ее, во всяком случае со II в. н. э., возникают зерновые хозяйства. Много места в книге отводится материалу археологических работ 40—50-х гг., которые отчетливо показали новые черты в жизни города. В этих изменениях В. Д. Блаватский видит проявление постепенной натурализации всего хозяйства Боспора, вызванной значительными сдвигами в его экономике и социальном строе.

Автор подробно изучает отдельные отрасли экономики Пантикапея — металлургию, керамическое производство, кораблестроение, торговлю, прослеживает направление торговых связей с Южным Понтом и местными племенами.

Укажем, наконец, на трактовку одного из наиболее сложных вопросов истории Боспорского государства первых веков нашей эры — взаимоотношений его с Римом. Здесь очень удачно использован нумизматический материал. Автор считает, что «Боспор был нужен Риму как своего рода военный форпост на далекой северо-восточной окраине» (стр. 147). Нельзя, однако, преуменьшать и роли экономической экспансии Рима в эти районы. Интересно наблюдение В. Д. Блаватского о том, что антиримское направление на Боспоре было связано с «варварскими», а не эллинистскими элементами.

Ярко и увлекательно написана VI глава, посвященная искусству и культуре Пантикапея в сарматский период, как, впрочем, и другие

разделы о культуре. Перед нами возникает облик столицы с ее акрополем, террасами, домами, храмами и крепостными сооружениями. Очень убедительным представляется анализ изображения на монетах Котиса I и его преемника, где на лицевой стороне показан пятиколонный фасад храма понтийского ордера; по мнению автора, это храм не Юпитера Капитолийского, а местный пантикапейский. Столь же удачно использована в качестве источника и монета Рескупорида II с изображением крепостной стены. Много внимания в главе уделено собственно памятникам искусства. Автор отмечает в общем античный характер архитектуры столицы, выделяя при этом погребальные сооружения, в устройстве и росписях которых он прослеживает местные влияния. Впервые в нашей литературе в книге В. Д. Блаватского содержится анализ скульптуры Пантикапея этого времени, которая не была еще темой специального исследования. Интересно сопоставление искусства сарматского периода и эпохи Спартокидов. Показывая ряд новых явлений в искусстве сарматского времени, автор хорошо вскрывает связь их с распадом античного художественного мировоззрения. «Эллинистические мифы, — пишет В. Д. Блаватский, — постепенно перестают быть главной темой пантикапейского искусства: сюжетом его преимущественно становится портрет пантикапейца, в это время уже очень далекого от палестриды, носителя начал калокагафии» (стр. 192). Распадаются и формы классического искусства. В Причерноморье наблюдается нечто близкое примитивной символике и схематизму в передаче художественных форм раннехристианского искусства Средиземноморья. Но здесь оказало немалое воздействие сарматское направление в художественной идеологии с геометрической полихромной орнаментикой, тамгообразными знаками и схематизмом. Сочетание всех этих форм и определило, по мнению В. Д. Блаватского, культуру Пантикапея сарматского периода. Мировоззрение боспорского общества рисуется им также как очень сложное явление, сочетающее различные элементы. «Начавшее в это время распадаться античное мифологическое мировоззрение, в орбиту которого уже давно были включены некоторые из местных божеств, испытало воздействие новых течений идеологии Средиземноморья первых веков нашей эры и, наконец, восприняло некоторые представления, заимствованные от северопонтийского племенного мира, в частности от сарматов» (стр. 200).

Темой заключительной VII главы книги является Пантикапей III—IV вв. Изучение последних веков существования столицы затруднено особенной малочисленностью источников, что побуждает исследователя в еще большей мере,

⁷ Подробнее этот вопрос разработан в книге В. Д. Блаватского «Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья», М., 1954, стр. 141 слл.

чем для более ранних периодов, обращаться к археологии. Этим обусловлена и гипотетичность некоторых выводов В. Д. Блаватского, на что он сам указывает (стр. 203). Однако полностью можно принять основные положения этой главы — о границах Боспора при Тиберии Юлии Савромате II, о состоянии монетного дела и государственной казны, об изменениях социального состава населения Пантикапея, характера его хозяйства и общего облика столицы и др.

Вполне мотивированным представляется указание В. Д. Блаватского на связь кризиса монетного дела в Боспорском царстве с положением денежного хозяйства в Риме, где в это время происходит дальнейшая порча монетного металла и некоторые другие сходные процессы. Очевидно, экономика Боспора была достаточно тесно связана с римской.

Удачное сопоставление нумизматических материалов со свидетельством Зосима о событиях 255 г. н. э. дает автору возможность прийти к выводу о том, «что в первой половине пятидесятих годов на Боспоре произошли большие смуты, позволившие узурпатору Фарсанзу захватить власть, примерно на два года, в какой-то части государства»; скорее всего Фарсанз правил Европейским Боспором, а Рескупорид IV удержался в азиатской части государства (стр. 206).

Всесторонне показаны изменения, которые претерпел Пантикапей в III—IV вв. На основании анализа эпиграфических памятников В. Д. Блаватский делает вывод о росте бюрократического аппарата в Боспорском царстве, что в сопоставлении с данными об уменьшившейся плотности населения столицы приводит его к предположению о «коренной перестройке всего пантикапейского общества к последним десятилетиям III в. н. э.» (стр. 213). В. Д. Блаватский считает, что в это время «двор и магистраты с их семьями и слугами составляли довольно заметную часть обитателей столицы (возможно, $\frac{1}{10}$ или даже $\frac{1}{7}$), а это обстоятельство не могло не накладывать печать на жизнь Пантикапея» (стр. 212).

Очень хорошо в книге прослежены изменения в хозяйстве столицы этого времени. Намечившаяся ранее рустификация города в III в. усиливается, что «заметно изменило характер Пантикапея, который из ремесленно-торгового центра превратился теперь в аграрно-ремесленный, где торговля постепенно теряла свое значение, особенно внешняя» (стр. 214).

Переломным для истории Пантикапея В. Д. Блаватский считает период нашествия готов и союзных с ними племен, которые не только привели к обеднению столицы; видимо, одним из последствий

этих нашествий было изменение вкусов и потребностей пантикапейцев. В частности, надписи, как указывает автор (стр. 216), свидетельствуют об упадке письменности, в чем он видит одно из проявлений все более усиливающейся варваризации Пантикапея и всего Боспора.

Обращаясь к IV в., В. Д. Блаватский отмечает в экономической и культурной жизни столицы усиление тех явлений, которые отчетливо наметились в предшествующем столетии — рустификации города, натурализации его хозяйства, сарматизации художественных вкусов при сохранении в культурном облике пантикапейцев некоторых элементов классических традиций.

Единственное замечание, которое нам хотелось бы сделать, касается правления Фофorsa. Говоря об этом времени, известном нам только по данным нумизматики, следовало бы, как нам кажется, упомянуть и о подражаниях медным стерам Фофorsa и Рескупорида VI. Опубликовавший их К. В. Голенко считает, что они чеканились не каким-либо из варварских племен, а выпускались на Боспоре по частной инициативе⁸. Но учитывая общую картину хозяйственной жизни Боспора в это время, не следует, как нам представляется, отстранять и первый вариант.

Работа завершается беглым обзором дальнейшей судьбы Пантикапея после нашествия гуннов. В частности, автор обращает внимание исследователей на еще недостаточно изученные материалы раннесредневековых погребений.

Заслуживает похвалы и отличное оформление книги В. Д. Блаватского. В этом, разумеется, прежде всего заслуга самого автора, который сумел удивительно удачно подобрать рисунки — они не только хорошо иллюстрируют его мысли, но многие из них мало известны в нашей литературе.

Монография В. Д. Блаватского наглядно показывает, к каким интересным наблюдениям, важным выводам и широким обобщениям может прийти исследователь, полностью владеющий археологическим материалом и всегда сопоставляющий его с другими источниками.

В заключение хочется пожелать, чтобы монографическое исследование городов Северного Причерноморья было продолжено столь же успешно.

Д. Н. Казаменова

⁸ К. В. Голенко, О характере выпуска некоторых монет Фофorsa, «Материалы к археологии Пивничного Причерноморья», вып. II, Одеса, 1959, стр. 187—190.